

УДК 94(470+571)“17/1917”

Д. В. Сень, Н. И. Швайба

“ИЗВЕЩАЛ ПИСЬМЕННО НА БУНЧЮКОВЫХ СЕМЕНА ЛИЗОГУБА ДА АНДРЕЯ ГОРЛЕНКА...”: СЛУЧАЙ ИЗ ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЫ ГЕТМАНЩИНЫ 1720–х гг.

В статье рассмотрен донос иеромонаха Серапиона на представителей украинской казачьей старшины летом 1725 г. Анализируется политический розыск по этому делу, а также причины, по которым донос был признан ложным. Указанный случай включен в историю отношений Гетманщины и российского самодержавия.

Ключевые слова: Гетманат, Украина, казаки, монастырь, иеромонах, донос, следствие, Санкт-Петербург.

Среди документов фонда №796 Российского государственного исторического архива нами был выявлен комплекс документов, освещающих малоизвестный эпизод из жизни представителей украинской казачьей старшины середины 1720-х гг. Сначала документы привлекли наше внимание в связи с именами кубанского султана Бахты-Гирея, сына крымского хана Девлет-Гирея II, и казачьего атамана И. Некрасова, оставивших заметный след в военно-политической истории России, Дона и Крымского ханства [1; 2]. Информационный потенциал выявленных источников оказался богаче: он связан с историей украинского казачества и внешней политики России, с историей трансграничных связей казачьих сообществ (Войск), с политической культурой элит Гетманщины и характеристикой их положения в петровскую и постпетровскую эпоху.

Последняя проблема находит полярные оценки в современных российской и украинской национальных историографиях, не говоря о диаметральной противоположности имеющихся в них взглядов по отношению к т.н. “мазепинскому периоду” в истории Украины [3; 4; 5; 6]. Для изучения истории российско-украинских отношений первой трети XVIII в. особенно актуальны такие исследовательские проблемы, как взаимоотношения российского правительства и гетманской старшины (включая их неформальные связи [7]), социальная мимикрия старшины в постпетровскую эпоху, ее политические установки, поведенческие “сценарии” по отношению к российскому руководству и к отдельным “сильным” фигурам, формы лояльности к власти и явного/скрытого сопротивления ей со стороны казачьих элит. Особый интерес представляет изучение политических практик представителей т.н. “династий изменников” (впрочем, как и других старшинских родов) в указанный период, а также преемственности политического выбора и ориентации разных поколений подобных казачьих фамилий – соратников гетмана И.С. Мазепы, их детей и внуков [8, с.91].

Актуален и следующий исследовательский ракурс – реконструкция смыслового значения фраз, приписываемых главным участникам конкретного случая, повлекших за собой донос и расследование. Частное мнение казаков может отражать более общие процессы в казачьей среде Гетманщины, не всегда доступные сторонним наблюдателям, включая представителей российской администрации в Гетманской Украине. Подход, согласно которому анализ отдельного текста (даже одной фразы) может быть применен при реконструкции массовых социальных представлений, успешно применяется при решении схожих исследовательских задач, приносит научные результаты [9]. Актуальность исследования связана также с изучением места доносительства в истории политического сыска в России – явления, характерного для петровского времени. Как указывает Е.В. Анисимов, с изветов (доносов) начиналось 99,9% всех политических дел в России XVIII в. [10, с.11]. Доносы, распространенная социальная практика, всегда означали начало политического розыска и формирования соответствующего дела.

Отправным документом в истории разбираемого случая, повлиявшим на появление документального комплекса середины – второй половины 1720-х гг. стал извет монаха Троицкого Мигулинского мужского монастыря Серапиона на представителей гетманской старшины – Андрея Дмитриевича Горленко и Семена Ефимовича Лизогуба. Насколько известно, указанный сюжет не получил подробного освещения ни в российской, ни в украинской историографии – несмотря на большое количество исследований по истории Гетманщины XVIII в. и по истории казачьих старшинских родов. Фамилии Горленко и Лизогубов занимают среди них свое видное место. В содержательном очерке А. Лазаревского “Люди Старой Малороссии. Лизогубы” [11] нет упоминаний о событиях, связанных с изветом на С.Е. Лизогуба в 1725 г. В обстоятельном труде современного украинского автора С.О. Павленко этот факт биографии С.Е. Лизогуба отсутствует [8, с.97]. Известие о доносе на С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко и об их последующем аресте, впрочем, известно давно – оно отразилось и в украинских казачьих летописях, и в трудах ученых XIX в. В “Краткой истории Малороссии” сказано, что С.Е. Лизогуба “с Андреем Горленком из пути (“в Гилянский поход за Дербень”. – Д.С., Н.Ш.) по плутовскому некоторого чернца Змеевского доношению, взято было в Петербург, но вскоре до домов отпущено” [12]. Полагаем, что издатель ошибочно посчитал именное прилагательное “змеевского” фамилией чернца-доносчика. Как мы убедимся позже, источники не дают для этого оснований. Д.Н. Бантыш-Каменский в труде “История Малой России” писал, что вскоре после начала Гилянского похода “Лизогуб и Горленко были потребованы в Петербург, по ложному на них доносу одного монаха, и потом отпущены в Персию, где несколько лет находились (здесь историк ошибался. – Д.С., Н.Ш.), с

предводимым ими отрядом, под главным начальством Кандибы, бывшего Полковника Корсунского” [13, с.166].

Применительно к теме исследования коснемся проблемы *умолчания источника* – в Лизогубовском летописце история с арестом С.Е. Лизогуба и его товарища красноречиво опущена. В одной из записей за 1725 г. лишь сказано, что “Тогож году бунчуковые товариство в Кгилян командированы и с ними 20,000 козаков с Семеном Лизогубом; и в том походе бавылысь бунчуковые до трех год и иние до пяти, акции з горскими черкесами отправаючи; в яком походе Антоний Андреевич Лизогуб, бунчуковый товарищ, умер и погребен в Астрахани епископом Леницким” [14, с.57]. Таким образом, вывод В.Б. Антоновича о “мелочных подробностях” в передаче летописцем всех сведений о деяниях “лиц, принадлежащих к фамилии Лизогубов” [14, с.VIII], не во всем находит свое подтверждение.

Важные сведения, относящиеся к заявленной теме, содержатся в дневнике современника событий – генерального подскарбия Я. Марковича. Один из вопросов, связанных с источниковедческой критикой дневника, связан с разночтениями в его двух опубликованных изданиях – А. Марковича (1859 г.) [15, с.91–92] и А. Лазаревского (1892 г. – в данном случае речь о годе издания интересующей нас части дневника) Первое из изданий содержит в себе многочисленные сокращения (выпуски) текста публикуемой рукописи Я. Марковича. При сравнении интересующих нас текстовых фрагментов каждого из изданий особых разночтений не обнаружилось, но выяснилось другое: публикуя дневник, А. Маркович выпустил целый день, 23 июля 1725 г., описанный у А. Лазаревского и сообщающий интересные детали содержания под арестом главных участников анализируемой истории. А.Д. Горленко, например, имел возможность перемещаться по табору, общаться и принимать разнообразную пищу [16, с.266]. Похожая информация о времяпрепровождении того же А.Д. Горленко пропущена А. Марковичем при воспроизведении текста рукописи за 24 июля, зато она имеется в публикации А. Лазаревского [16, с.266].

События, которые привели к извету монаха Серапиона на бунчуковых товарищей, связаны с участием украинских казаков в Сулакско-Гилянском (Гилянском) походе российских войск, начавшемся в 1725 г. Российские власти задействовали тогда 2 тыс. слободских и гетманских казаков под командованием М.Г. Ограновича, С.Е. Лизогуба и А.Ф. Кандыбы. Поход был предпринят с целью укрепления России на Северо-Восточном Кавказе и подавления недовольства кавказских владетелей, в т.ч. шамхала Тарковского [17, с.135–160]. Кратко описывая сюжет с участием в походе украинских казаков, И.В. Курукин пишет, что в 1725 г. “степью на Царицын и Астрахань шли три тысячи слободских и “бунчуковых” казаков под командой Семена Лизогуба” [17, с.143]. В ноябре того же года понадобилась новая экспедиция против местных “бунтовщиков”, участие в которой снова приняли украинские казаки. Как отмечают исследователи, изначально казаки собирались в поход неохотно, прибегая к разным ухищрениям, направленным на уклонение от участия в грядущей кампании [18, с.67]. Казачьему войску определено было идти к Царицыну и поступить под команду полковника Нарвского полка Д.Ф. Еропкина.

Путь казачьего войска, выступившего в поход в мае 1725 г., проходил и через земли Войска Донского. Именно здесь в июле 1725 г. были взяты под караул наказный гетман С.Е. Лизогуб и бунчуковый товарищ А.Д. Горленко. Случай нашел отражение на страницах дневника генерального подскарбия Я. Марковича, о котором писалось выше: “Семен Лизогуб и Андрей Горленко за караул взятти по доношению ченця некогого монастыра Мигулинского (Троицкого Мигулинского мужского монастыря. – Д.С., Н.Ш.)” [16, с.266]. По сути, этими словами описание случая исчерпано – автор дневника не собирался (не хотел?) останавливаться на деталях происшествия, или же они были ему неизвестны. Обращает на себя внимание авторская манера подачи материала – буднично констатируется задержание *наказного казачьего гетмана*, которое сомнительно посчитать рядовым событием. Среди других событий 22 июля 1725 г., “удостоившихся” внимания автора – приезд в Царицын бригадира А. Ветераня (Ветерани) и двукратное наказание за упрямство некоего “хлопца Вежевского” [16, с.266].

Далее мы находим любопытные детали, связанные с *режимом* пребывания казаков под караулом, отличавшимся возможностью их перемещения, общения с другими казаками и пр. [16, с.266]. Нарушение режима содержания арестантов продолжалось несколько дней: “Так же и с Горленком у нашей квартире, до которого много товариства приездило, а то для того, что они завтра меют быть отослани в Ахтирку до князя Голецина (речь идет о генерал-фельдмаршале и “командующем над Украинским корпусом” М.М. Голицыне, пребывавшем в Ахтырке – полковом центре на Слобожанщине. – Д.С., Н.Ш.)” [16, с.266]. В дневнике Я. Марковича взятие казаков под караул датировано 22 июля 1725 г., а их отправка к бригадиру А. Ветеранию – 25 июля того же года: “Семен Лизогуб и Андрей Горленко попроважены отсюду за караулом до лагеру к брегадиру Ветеранину, а отуду в Ахтирку до его сиятельства князя Голецина” [16, с.266].

На личностях Семена Ефимовича Лизогуба и Андрея Дмитриевича Горленко остановимся подробнее. Это необходимо для того, чтобы лучше представить их органическую связь с той социокультурной средой, выходцами из которой они являлись. Включив биографии гетманцев в контекст политической культуры украинского казачества и его непростых отношений с самодержавием, мы получаем дополнительные исследовательские возможности для анализа разбираемого случая и для ответа на важный вопрос: могли ли именно С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко в *действительности произнести слова*, якобы услышанные иеромонахом Серапионом?

Старинный старшинский род Лизогубов неслучайно был причислен к династиям “изменников”, наряду с фамилиями Мировичей, Гамалиев, Герциков, Максимовичей и Дорошенко [19, с.181]. Основанием для такого причисления стала позиция многих старшинских родов в связи с переходом гетмана И.С. Мазепы в стан шведского короля Карла XII, случившегося в октябре 1708 г. Родителями С.Е. Лизогуба были Е.Я. Лизогуб, генеральный хорунжий (1688–1698 гг.), впоследствии – черниговский полковник, и

Л.П. Дорошенко, дочь гетмана П.Д. Дорошенко. Дедом С.Е. Лизогуба по мужской линии являлся Я.К. Лизогуб, наказный казачий гетман во время 2-го Азовского похода, которому благоволил гетман И.С. Мазепа. Выходец из старинного старшинского рода, сын черниговского полковника, воспитанник Киево-Могилянской академии, бунчуковый товарищ Черниговского полка, С.Е. Лизогуб приходился зятем гетману И.И. Скоропадскому. С.Е. Лизогуб находился вместе с И.С. Мазепой при осмотре уничтоженного в начале октября 1708 г. российскими войсками Батурина. Тогда же в октябре С.Е. Лизогуб ушел к шведам вместе с гетманом И.С. Мазепой, причем А. Оглоблин указывает, что в гетманской свите, помимо С.Е. Лизогуба, мог находиться тогда и Андрей Горленко [20, с.316], другой фигурант нашей истории.

С.Е. Лизогуб вернулся в Россию летом 1709 г. после Полтавского сражения, но не был сослан, “как другие, только за свойство с гетманом (И.И. Скоропадским. – Д.С., Н.Ш.)” [21, с.471]. 29 июля 1709 г. он был приведен к присяге на верную службу царю и вскоре выслан к своему тестю [22, с.57]. Его родной брат, Яков Ефимович, впоследствии генеральный обозный, “внук и сын приближенных к Ивану Мазепе Лизогубов, сумел избежать жестокой расправы над восставшими мазепинцами, поскольку в то время находился в составе Черниговского полка, который полностью контролировался российской армией” [19, с.181]. Т.Г. Таирова-Яковлева, возможно, права, когда пишет, что полковники и казаки четырех полков, в т.ч. Черниговского, не могли присоединиться к И.С. Мазепе потому, что находились в расположении российских полков [3, с.214]. За протесты против злоупотреблений со стороны Малороссийской коллегии в 1723–1724 гг. Я.Е. Лизогуб был арестован вместе с другими представителями казачьей старшины и заточен на несколько лет в Петропавловскую крепость вместе с тестем А.Д. Горленко – миргородским полковником Д.П. Апостолом и с генеральным есаулом В. Жураковским. Таким образом, есть основания говорить о сомнительной лояльности некоторых Лизогубов по отношению к российскому самодержавию в постмазепинский период истории Гетманщины.

В этом же отношении примечательна фигура А.Д. Горленко, отец которого, прилуцкий полковник Дмитрий Лазаревич Горленко, принадлежал к ближайшему окружению гетмана И.С. Мазепы и являлся активным сторонником выхода Гетманщины из-под юрисдикции Москвы [8, с.44–45]. Без колебаний последовавший за И.С. Мазепой, Д.Л. Горленко все-таки вернулся в 1714 г. в Россию и проживал последние годы в московской ссылке. Андрей Горленко находился в 1708 г. вместе с отцом, но в начале 1709 г. вместе с женой вернулся в Россию. В 1711 г. его заподозрили в сношениях с отцом. Канцлер Г.П. Головкин настаивал на отправке А.Д. Горленко, тогда значкового войскового товарища, из Глухова в Москву [23, с.252], где тот проживал в ссылке до 1715 г. Важно отметить, что при этом А.Д. Горленко *лишили владений*, некоторые из которых достались представителям центральных российских властей [8, с.46; 21, с.290].

Таким образом, во время похода на Кавказ в 1725 г. у обоих казаков – С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко – представители ближайших родственников и свойственников уже были наказаны российской властью, а некоторые из них все еще продолжали пребывать в заключении или в ссылке по состоянию на 1725 год. Подобные факты, как и отобранные у А.Д. Горленко владения, могли послужить веским основанием для формирования у казаков недовольства властью при внешней демонстрации лояльности и верноподданнических чувств.

Основанием для ареста С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко на Дону летом 1725 г. послужил извет монаха Троицкого Мигулинского монастыря Серапиона, волею судеб встретившегося на их пути. Отправка С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко к бригадиру А. Ветеранию, как указывает в своем дневнике Я. Маркович, была связана с тем, что именно ему Серапион письменно “известил” на гетманских казаков в Царицыне [24, л.2]. Это случилось в период между 29 июня и 22 июля 1725 г. Сначала в Царицын были доставлены казаки-гетманцы. Следствие было начато полковником Нарвского полка Д.Ф. Еропкиным. Согласно ведению от 13 ноября 1725 г., поступившему из Правительствующего Сената в Святейший Правительствующий Синод 15 ноября 1725 г., Серапион был доставлен в Санкт-Петербург от генерал-фельдмаршала М.М. Голицына 29 октября 1725 г. 12 ноября того же года в Сенате слушали выписки из допросов, а также из очных ставок “помянутых иеромонаха Серапиона и бунчуковых Лизогуба и Горленка” [24, л.1], случившихся, очевидно, уже в Санкт-Петербурге [24, л.39].

Содержание части следственных документов известно по копиям делопроизводственных материалов 1727 г. В частности, в них подробно представлена версия произошедшего в описании иеромонаха Серапиона. По его словам, 29 июня 1725 г. “гетманских полков наказный гетман помянутой Лизогуб, прибыв с своими табары, стал Мигулинского монастыря близ мельницы по речке Тишанке” [24, л.39]. Непонятно почему, но именно Серапион явился к казакам с просьбой, чтобы они “той мельнице обиды не учинили”, после чего бунчуковый товарищ Андрей Горленко, “не допустя ево до гетманского намету, зазвал к себе в кибитку... и спрашивал его о вестях” [24, л.39]. Иеромонах рассказал А.Д. Горленко, что “носится у них по речке, будто блис соли Маницкой на копанях стоит Бактыгирей с Некрасовым. И Горленко говорил, чтоб де к нам тот Бактыгирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца; а как такие слова говорил, в те поры в кибитке у него Горленка никого не было” [24, л.39]. Потом собеседники якобы перешли под “намет” (шатер) к наказному гетману С.Е. Лизогубу, которому А.Д. Горленко передал “вести радостные”, услышанные от иеромонаха. По словам Серапиона, в ответ на его вторичный рассказ о Бакты-Гирее и И. Некрасове, наказный гетман произнес: “Может де Бог слышанное повелит им и видеть” [24, л.39об.].

Здесь начинается важный этап в развитии последующей ситуации, связанной с *реакцией* иеромонаха на слова гетманских казаков, которые заставили его подумать, “что не хотят ли они с ними, Некрасовым и Бактыгиреем, соединитца” [24, л.39об.]. Итак, Серапион решил донести на казаков. Заслуживает внимания ход мыслей иеромонаха, который придал услышанному значение важной информации, “достойной” извета.

По-своему оценив *информационный повод*, ставший толчком к доносу, Серапион рассуждал логично. Дело в том, что кубанский султан Бахты-Гирей и казачий атаман И. Некрасов, хорошо известные жителям пограничных территорий и правящим дворам России, Крыма и османской империи, выступали в первой трети XVIII в. серьезным раздражающим фактором в политике центральных российских властей и ряда пограничных администраций. “Некрасовская угроза”, исходившая с Кубани, регулярно требовала от России все новых форм нейтрализации. Россия также теряла от многочисленных набегов на российские окраины, организованных “бешеным султаном” Бахты-Гиреем, которого неоднократно пытались и переманить на российскую службу, и убить [1].

Решение Серапиона *донести* на гетманских казаков свидетельствует о понимании им “политического момента” и об ожидаемой реакции со стороны властей. Поиски *мотива* к совершению доноса, очевидно, нужно искать в этой плоскости. Впрочем, изветчик мог также знать, что его ждет *награда*, практикуемая государством [10, с.165–166]. Для организации *ложного* доноса на казаков, которых иеромонах *впервые* видел, и которые не нанесли ущерба ни ему, ни мельнице, оснований у него не было. Серьезность намерений Серапиона прослеживается в том, что письменный извет он решил подать не войсковому или своему монастырскому начальству, а представителю российского военного командования в Царицыне. Иеромонах утверждал, что во время разговора в намете у С.Е. Лизогуба там “было много людей, все черкасы” [24, л.39 об.], которые могли слышать его разговор с атаманом.

А.Д. Горленко не стал отрицать на допросе и на очной ставке факта общения с Серапионом, но отменил обвинения в якобы сказанных им словах, столь взволновавших иеромонаха. А.Д. Горленко заявил, что Серапион, узнав о походе казаков на Сулак, заявил, что “на Царицын им итить криво, а надобно де итти мимо Манич, толко де там Кубанская орда стоит, Бактыгирей с Некрасовым, и он де ведает, что казацкие войска идут, а кубанского де войска тысяч с тритцать, а про казацкое слышно, что тритцать восем тысяч...” [24, л.39 об.]. Анализируемый источник интересен не только тем, что одновременно упоминает султана Бахты-Гирея и Игната Некрасова: такие свидетельства нечасто, но встречаются в других источниках. Обратим внимание на следующую деталь – Серапион указал на предполагаемое место пребывания кубанского султана и атамана. Это были соляные копи (“копани”) на Маныче, которые издавна разрабатывались и привлекали к себе различные категории русского населения. Крымцы и ногайцы знали об этом и могли совершать туда набеги для захвата полона. Так поступали раньше по отношению к г. Тору (Солянному) на р. Торце (Торе) азовцы и первые кубанские казаки, где имелись богатейшие соляные озера, привлекавшие “большое собрание русских людей за солью” [25, с.309]. Вот почему султан Бахты-Гирей и атаман Игнат Некрасов, по слухам, оказались замечены *именно* в указанном районе. В рассмотрении с аналогичными данными, сведения Серапиона могут быть использованы при изучении вопросов о традиционных занятиях некрасовских казаков на Кубани, об их отношениях с Гиреями в 1720-е гг.

С.Е. Лизогуб тоже опроверг на допросе слова иеромонаха Серапиона, заявив, что “помянутой чернец пьян пришед к нему в намет” в день празднования святых Петра и Павла “после обеда перед вечерними” [24, л.40]. Не желая слушать “скаредных песней” пьяного чернеца (его пристрастие к горячительному позже подтвердила монастырская братия), атаман, по его словам, вышел из намета и отправился со всей компанией к Андрею Бурковскому, а “Горленко пошел в свой шатер, а он чернец, вышел, куда пошел, не знает”. Отрицая разговор с Серапионом, атаман в подтверждение своих слов сослался на казаков, с которыми он отмечал праздник – на Андрея Бурковского, Василия Кочубея, Федора Сулима и на Степана Терновского. Допрошенные бунчуковые товарищи, В. Кочубей и Ф. Сулим, заявили, что атаман не имел разговора с помянутым иеромонахом, которому оба они дали нелестную характеристику [24, л.40 об.–41].

Пока неизвестно, на каком этапе розыска и почему именно чаша весов склонилась на сторону обвиняемых казаков. Вероятно, перелом ситуации случился уже во второй половине 1725 г. В ведении Правительствующего Сената от 29 марта 1727 г., адресованном в Святейший Правительствующий Синод, сказано, что “по вышеписанным обстоятельством (эта фраза следует за пересказом речей всех допрошенных, о которых речь выше. – Д.С., Н.Ш.) тот ево старца Серапиона извет явно изобличился лживой...” [24, л.41]. Свою роль здесь сыграли не только показания украинских казаков, но и собранные из разных источников сведения о неблагоприятном поведении изветчика. Атаман С.Е. Лизогуб показал, что когда “с Царицына провадил (в Ахтырку? – Д.С., Н.Ш.) их под арестом офицер Кроншлотского полку з драгунами” [24, л.1], то им снова довелось оказаться на Дону. Одна из остановок пришлась не местность неподалеку от Троицкого Мигулинского монастыря, куда Серапион испросил у охраны разрешения написать письмо с просьбой о продуктах. Из монастыря приехал казначей Карион “з другим старцем”, вручивший Серапиону просимые продукты и деньги.

Однако дальше произошло следующее – Карион объявил сопровождавшим арестантов офицерам, каптенармусу и С.Е. Лизогубу (!) многочисленные сведения о неблагоприятном поведении иеромонаха во время проживания в монастыре и даже раньше [24, л.1 об.]. Доносительство, пьянство, самовольные отлучки из монастыря в донские станицы... Особенно показательны слова Кариона о том, что Серапион был прислан в их монастырь (из другого документа узнаем, что это случилось в 1721 г. – Д.С., Н.Ш.) “за плутовство такое, что доносил он на донских казаков некоторые притчины, а после в Москве в Преображенску (Преображенском приказе. – Д.С., Н.Ш.) повинился, что с пьянства зболтал” [24, л.1 об.]. Таким образом, Серапион уже имел опыт ложного доносительства и понес за него наказание. 13 ноября 1725 г. Сенат определил Синоду привлечь к освидетельствованию состояния Серапиона других монахов Мигулинского монастыря – “подлинно ли он Серапион такова состояния, как выше сего показано, и то свидетелство за руками их прислать в Сенат немедленно...” [24, л.1 об.]. Синод оперативно принял к руководству резолютивную часть сенатского ведения – братия Троицкого Мигулинского монастыря во главе

с игуменом, общей численностью 41 чел. (!) вскоре подтвердила все то, о чем Карион раньше публично поведал многочисленным свидетелям о неугомонном и непокорном Серапионе.

Мы полагаем, что Серапион, донося на казаков, правдиво отразил реакцию гетманцев на известие о Бахты-Гирее и И. Некрасове. Наше суждение основано на следующих косвенных доказательствах. *Во-первых*, мы не видим серьезного мотива для ложного доноса, например, из мести: встреча иеромонаха с казаками была случайной и по сути бесконфликтной: гетманцы не нанесли урона мельнице, а Серапион за свои якобы «скабрзные песни» наказан казаками не был. *Во-вторых*, не так давно изветчик понес наказание за ложный донос на донских казаков – попасться во второй раз с ложным изветом было делом большого риска. *В-третьих*, обратим внимание на место и на форму извета. Серапион мог донести на казаков игумену своего монастыря, однако проделал немалый путь и лично явился к представителю российского военного командования в Царицыне. *Явочная* форма извета, облеченная в *письменную* форму, свидетельствовала о значении, которое предал Серапион услышанному при встрече с казаками.

Какое значение могли придавать гетманские казаки известию Серапиона о Бахты-Гирее и И. Некрасове? *Во-первых*, гетманцы проявили информированность о людях, слава которых привлекала к ним новых сторонников, *нелояльных* к России. Известен эпизод 1709 г., когда 50 «агентов» И. Некрасова, действуя в Гетманщине, «возмущали и поговаривали» тамошних жителей уходить к И. Некрасову, находившемуся тогда на р. Берде [26, с.18]. Безусловно, таких контактов было больше, и И. Некрасов со своими казаками вызывали к себе пристальный интерес украинского казачества. *Во-вторых*, в извете Серапиона отразилась *эмоциональная реакция* казаков на известие о «шалюм султани» и «воровском атамане». Об этом говорит содержание фразы, сказанной А.Д. Горленко атаману, «что сей де чернец сказывает нам вести радостные...» [24, л.39–39об.]. С.Е. Лизогуб и вовсе помянул Имя Божие, полагая возможной (желаемой?) встречу с государевыми врагами. Произнося такие слова, казаки не могли не понимать потом, что рискуют быть обвиненными в государственной измене. Поэтому они упорно отрицали факт произнесения именно этих слов, двусмысленный характер которых и подвиг Серапиона на извет. В-третьих, ключом к пониманию описанной выше реакции казаков может служить другая фраза А.Д. Горленко о том, «чтоб де к нам тот Бактыгирей с Некрасовым поближе пришли, то бы де нам добре было, но покуда де нам гетманцом разорятца (выделено нами. – Д.С., Н.Ш.)». У Серапиона не должно было возникнуть проблем с передачей этого слова по-русски, поскольку по-украински оно звучит как «розорятися». Одна из групп значений глагола в обоих языках практически одинакова – лишиться достатка, богатства, впасть в бедность, обнищать (рус. яз.); позбуватися багатства, достатку, майна; ставати бідним, убогим, впадати в злидні (укр. яз.) [27, с.652; 28, с.483; 29, с.754]. Анализ фразы позволяет говорить о критическом отношении ее автора к положению гетманских казаков, резко выраженному в присутствии чужого человека. Но как появление группировки Бахты-Гирея и И. Некрасова могло избавить казаков от разорения? Вероятно, это могло случиться в случае боевого столкновения обеих сторон, после чего поход казачьего войска на Кавказ мог и не состояться (задержаться?). Вот почему гетманцы были столь эмоциональны, конечно, не помышляя об объединении с Бахты-Гиреем и с И. Некрасовым. О последствиях возможного столкновения вскользь обмолвился сам А.Д. Горленко: «...коли Бог даст сойтитца, тогда увидимся, и спробуемся. А ежели не сила наша будет, то и от Царицына мы, может, не пойдём» [24, л.39 об. – 40]. А ведь из Царицына казаки должны были проследовать на Кавказ...

Итак, всем главным героям этой истории суждено было осенью 1725 г. вновь увидеться в Санкт-Петербурге. Изветчик Серапион, судя по сенатским документам, еще до того успел предстать в Ахтырке перед генералом-фельдмаршалом М.М. Голицыным, откуда его препроводили в Санкт-Петербург. Поскольку пока обнаружены не все следственные материалы, трудно утверждать, были ли доставлены в Ахтырку главные обвиняемые – С.Е. Лизогуб и А.Д. Горленко, возможно, так и было. Судьба обвиняемых должна была решиться в Санкт-Петербурге – и это в те годы, когда отношения Гетманщины и российского самодержавия после смерти гетмана И.И. Скоропадского переживали не лучшие времена. Недавняя трагическая судьба П. Полуботка и его товарищей [30, с.277–278] явно не добавляла уверенности казакам в благополучном исходе дела. А тянулось оно медленно – новый, 1726 год, гетманцам довелось встречать в Санкт-Петербурге. В дневнике Я. Марковича находим запись за 16 ноября 1726 г., сообщающую о получении им письма от некоего «пана Михайлы», датированного 23 сентября 1726 г. Важное значение представляют сведения о том, что «полковник Миргородский, так же Семен Лизогуб и Андрей Горленко з С.П. Бурху в доми приехали» [31, с.101]. Данное свидетельство опровергает мнение некоторых исследователей о том, что после своего освобождения казаки-гетманцы смогли продолжить службу на Кавказе.

История с изветом не имела в дальнейшем трагических последствий для С.Е. Лизогуба и А.Д. Горленко. Первый из них, в качестве бунчукового товарища Черниговского полка, ездил в августе 1727 г. в столицу с «благодарственными письмами от полков» [32, с.102], когда российский престол занимал Петр II. Подробности этой поездки находим у Я. Марковича. Запись дневника от 8 августа 1727 г. гласит, что С.Е. Лизогуб, «также сотник сребранский Троцина и стародубский Галецкий поехали в С.П.-бурх з чолобитними от полков благодарственными до двору монаршого» [31, с.165]. А дневниковая запись от 20 октября 1727 г. сообщает, что «послание наши Семен Лизогуб с товарищи принятия милостиво в С.П. Бурсе (sic! – Д.С., Н.Ш.) и сподобились его величеству персонально кланяться» [31, с.185]. Умер Семен Ефимович Лизогуб во время Польского похода 1734 г. и был похоронен в г. Гродно. Андрей Дмитриевич Горленко, приходившийся зятем Д.П. Апостолу, несколько поправил свои дела после получения тестем гетманской булавы в 1727 г.: ему возвратили ранее конфискованные владения. Однако в 1735 г. он снова попал в царскую немилость и был отправлен с сыном в Санкт-Петербург, где пребывал несколько месяцев до

освобождения [8, с.46]. Снова отобранные у А.Д. Горленко владения были возвращены ему только в 1742 г. императрицей Елизаветой Петровной. Умер Андрей Дмитриевич Горленко в 1756 г.

Если бы слова извечника не потеряли своего значения в связи с обрушившимися на него самого разоблачениями, и если бы не твердость (круговая порука?) всех допрошенных казаков, история с изветом могла бы иметь иной финал. Окончательное решение о судьбе иеромонаха Серапиона было принято, скорее всего, в марте 1727 г. Резолютивная часть сенатского ведения от 29 марта 1727 г., адресованного в Синод, гласила: "...означенного иеромонаха Серапиона для учения за вышеписанное ево ложное доношение наказания, и для ссылки куда надлежит в далной монастырь, отослат в Святейший Синод, в котором монастыре содержать ево в заточении по смерть ево без выпуска..." [24, л.41]. Из протокола Синода от 28 апреля 1727 г. узнаем, что Серапиона надлежало жестоко наказывать плетью, после чего сослать в Кандалакшский монастырь Кольского острога Холмогорской епархии "по смерти ево, дабы никуды не ушел" [24, л.42]. В случае "предерзостного" поведения Серапиона его повелевалось "наказывать без всякия пощады". Соответствующий указ был отправлен из Синода епископу Устюжскому и Тотезскому Лаврентию [24, л.45 об. – 46 об.]. Путь Серапиона в ссылку оказался более извилистым – он попал в итоге в Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь Архангельской губернии. Неумный характер "извечника со стажем" дал знать о себе и здесь – Серапион бежал из монастыря 15 июля 1728 г. и по состоянию на 16 августа 1728 г. найден не был [24, л.57 об.]. Дальнейшая судьба беглеца остается неизвестной...

В статье рассмотрен случай, отражающий определенные характеристики положения казачьей старшины Гетманщины, ее политического кругозора и "сомнительной политической лояльности" по отношению к самодержавию. Авторами сделан вывод о том, что иеромонах Серапион отразил в извете слова, действительно произнесенные С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко. Именно указанные в извете лица имели веские основания для того, чтобы "проговориться" в ситуации, спровоцированной встречей с Серапионом летом 1725 г. Иеромонах общался ведь с разными "черкасами", а донес только на этих двух казаков. Анализ их речей указывает не только на критическое отношение гетманцев к своему положению в походе, на их "странную" реакцию о пребывании на Дону врагов империи – кубанского султана Бахты-Гирея и изменника – атамана И. Некрасова. Поведение казаков-гетманцев, вербализованное в их словах, можно включить в широкий социокультурный контекст, связанный с кризисом политической культуры казачьей элиты в 1720-е гг. Период 1722–1727 гг., от смерти гетмана И.И. Скоропадского до избрания гетманом Д.П. Апостола, занимает особое место в истории новых надежд и разочарований казачьей старшины Гетманщины. По справедливому замечанию В. Пришляка, старшина "стала определенным отражением всех тех отчасти кардинальных социальных сдвигов, которые происходили в украинском обществе на протяжении длительного времени (с середины XVII в. и до конца XVIII в.), пока казачья автономия почти окончательно не растворилась в российском имперском пространстве" [19, с.159]. Случай 1725 г., повлекший за собой арест и следствие над С.Е. Лизогубом и А.Д. Горленко, представляется содержательным и важным для комплексного изучения политических практик казачьей старшины в такой насыщенный событиями период ограничения автономии Гетманщины, как 1720-е гг.

Источники и литература

1. Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. / В.В. Грибовский, Д.В. Сень // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. – М., 2013. – С.92–137.
2. Сень Д.В. "Войско Кубанское Игнатово Кавказское": исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Изд. 2-е., испр. и доп. / Д.В. Сень. – Краснодар, 2002. – 286 с.
3. Таирова-Яковлева Т.Г. Иван Мазепа и Российская империя. История "предательства" / Т.Г. Таирова-Яковлева. – М., 2011. – 525 с.
4. Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. – К., 1998. – 321 с.
5. Лазарев Я.А. "Ласковый телок двух маток сосет": к вопросу о природе украинской государственности во второй половине XVII – первой трети XVIII в. / Я.А. Лазарев // Исторический вестник. – М., 2013. – Том четвертый [151]. – С.206–219.
6. Чухліб Т. Секрети українського полівассалітету. Хмельницький-Дорошенко-Мазепа / Т. Чухліб. – К., 2011. – 327 с.
7. Лазарев Я.А. "К вашей ясневелможности охочий слуга": к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – первой половине 30-х гг. XVIII в. / Я.А. Лазарев // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / отв. сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. – М., 2013. – С.408–432.
8. Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники / С. Павленко. – К., 2005. – 602 с.
9. Мининкова Л.В. "Наивный вопрос простака-дворянина, "бедные ослики" и крах проектов ограничения самодержавия 1730 г. / Л.В. Мининкова // Cogito. Альманах истории идей. – Ростов на/Д., 2011. – Вып.5. – С.26–43.
10. Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. – М., 1999. – 720 с.
11. Лазаревский А. Люди Старой Малороссии. I. Лизогубы / Лазаревский А. // Киевская старина. – 1882. – Январь. – С.101–125.
12. Літопис Самовидця [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/index.html>. – Название с экрана.
13. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Часть третья. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства / Д.Н. Бантыш-Каменский. – М., 1830. – 100 с.
14. Летописец, или Описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украини малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким / Публ. и предисл. В.Б. Антоновича // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. – Киев, 1888. – С.VII–XII, 1–69.
15. Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. – М., 1859. – Часть первая. – 263 с.
16. Дневник генеральнаго подскарбия Якова Марковича // Киевская старина. – 1892. – №8. – С.257–272.
17. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И.В. Курукин. – М., 2010. – 381 с.

18. Дубровський В.В. Про Гилянський похід 1725 року / В.В. Дубровський / В кн.: В.В. Дубровський (1897–1966) як сходознавець / Ю.М. Кочубей; Ін-т сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України. – К., 2011. – 544 с.
19. Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура. – К., 2014. – 671 с.
20. Оглобин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба / О. Оглобин / Ред. Любомир Винар, упор. Ігор Гирич, Алла Атаманенко. – Вид. 3-є. – Нью-Йорк-Київ-Львів-Острого-Торонто, – 2003. – 496 с.
21. Кривошея В.В. Козацька старшина Гетьманщини / В.В. Кривошея. – К., 2010. – 792 с.
22. Кочегаров К.А. “Не замай, король шведський пропадет и загинет...”: к вопросу о судьбе канцеляриста Якова Гречаного, бежавшего из ставки И.С. Мазепы в день Полтавской битвы / К.А. Кочегаров // Славяноведение. – 2014. – №6. – С.57–63.
23. Лазаревский А. Очерки малороссийских фамилий. Горленки / А. Лазаревский // Русский архив. – 1875. – Кн.2. – №7. – С.248–258.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.796. – Оп.6. – Д.359. По ведению Правительствующего Сената, о проступках иеромонаха Троицкого Мигулинского монастыря Серапиона. – 57 л.
25. Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) / Д.В. Сень // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. – М., 2011. – С.289–329.
26. Сень Д.В. Русско-турецкая война 1710-1711 гг. и начальный период жизни казаков-некрасовцев на Кубани / Д.В. Сень // Січеславський альманах: Зб. наук. прац з історії українського козацтва. – Дніпропетровськ, 2011. – Вип.6. – С.17–23.
27. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 944 с.
28. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А.С. Герд. – М.: СПб., 2013. – Т.22. – 744 с.
29. Словник української мови: в 11 томах. Т.8: Природа-Рятливі / ред. В.О. Винник [та ін.]. – К., 1977. – 928 с.
30. Смолій В.А., Степанков В.С. Згасання державної ідеї / В.А. Смолій, В.С. Степанков // Історія українського козацтва: Нариси у 2 т. – К., 2006. – Т.1. – 800 с.
31. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 г.г.). – Часть вторая (1726–1729 г.г.). – Киев, 1895. – 341 с.
32. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Киев, 1912. – Т.3. – 930 с.

Сень Д. В., Швайба Н. И. “Извещал письменно на бунчукowych Семена Лизогуба да Андрея Горленка...”: випадок з історії козацької старшини Гетьманщини 1720-х рр.

У статті досліджується донос ієромонаха Серапіона на представників української козацької старшини влітку 1725 р. Аналізується політичне розслідування у цій справі, а також причини, за якими донос був визнаний неправдивим. Даний випадок розглядається у світлі історії стосунків Гетьманщини і російського царату.

Ключові слова: Гетьманат, Україна, козаки, монастир, ієромонах, донос, слідство, Санкт-Петербург.

Sen D. V., Shvayba N. I. “Izveshhal pis'menno na bunchjukovyh Semena Lizoguba da Andreja Gorlenka...”: The Case from History of the Cossack Ukraine Hetmanate elders 1720s.

The article considers Hieromonk Serapion on the representatives of the Ukrainian Cossack elders in the summer of 1725. It analyzes the political search on this case, as well as the reasons for which the denunciation was proved false. This case is included in the history of relations between Ukraine Hetmanate and the Russian autocracy.

Keywords: Hetmanate, Ukraine, Cossacks, monastery, Hieromonk, denunciation, consequently, St. Petersburg.

УДК 94(477)“1734/1775”

О. А. Барановський

ЗАПОРОЗЬКЕ ГАЙДАМАЦТВО ЯК КОНЦЕПТУАЛЬНА ОСНОВА ІДЕЙНО-ПОЛІТИЧНОГО ЖИТТЯ НОВОЇ СІЧІ

У статті досліджується проблема розбійницьких походів запорожців протягом XVIII ст. як індикатора ідейно-політичного життя на Січі. Структурується відповідна система соціальних відносин та обґрунтовується суб'єктність товариства – послідовного захисника політичного проекту Запорожжя. З'ясовується практичний вимір внутрішньосічових стосунків у формі визначення базових позицій стосовно гайдамацтва та шляхів їхньої реалізації. Окреслення концепту безпосередньо формує особливий характер самодостатності джерельної бази.

Ключові слова: Нова Січ, гайдамацтво, концепт, товариство, ідейно-політична реальність, протокол допиту, самодостатність джерельної бази.

Гайдамацтво як історичний феномен може бути сприйняте лише за посередництва міфу – засобу комунікації з реальністю та способу ретрансляції смислів, закодованих в об'єкті дослідження. Проте потрапляння теми до горнила міфологізації обумовило її застигання до загальноприйнятих концептуальних форм. Наповнення останніх за рахунок розширення джерельної бази потребує, однак, і актуалізації ключових смислів проблеми. Це об'єктивно створює необхідність у концептуалізації явища. Відправною точкою у даному процесі можемо розглядати Запорожжя як осередок та чинник гайдамацького руху. Природа даного фактору, на наш погляд, виростає з ідейно-політичної площини, де розбійництво є базовим концептом. Розглянемо це питання у частині рівня самодостатності джерельної бази, ідейно-політичної моделі стосунків на Січі, а також концептуального характеру грабунків.